

Муниципальное
образовательное учреждение
дополнительного образования детей
«Дворец творчества детей и молодежи»
г.Воркуты

МЫ

Периодическое издание
детского информационного
центра

В этом номере:

Никогда не будет

Стр. 3

И гибли, как люди

Стр. 5

Потерянные письма

Стр. 6-7

Боевая подруга

Стр. 12

*Пусть дни войны тянулись очень долго,
Пусть быстро мчались мирные года.
Победы под Москвой, под Курском и на Волге
История запомнит навсегда.
Пусть многие сегодня не в строю,
Мы помним все, что делалось тогда
И обещаем Родину свою
Сберечь для дела, мира и труда.*

ГОЛОС ИЗ ПРОШЛОГО

История развития города Воркуты к великому сожалению началась со слез, холода, голода, страха, боли, тьмы и смерти—одним словом с войны. В тогда еще маленький, практически безжизненный, поселок Воркута ссылали опасных для общества людей, осужденных по 58-ой статье.

«Мы ехали, не зная куда, но, выйдя из холодного вагона, я увидела огромное белоснежное поле, которое переливалось на солнце. Я сказала: «Боже, боже мой, сколько снега!», но на этом вся романтика закончилась, начались трудовые дни, и мы работали по 19 часов без права на отдых»,—рассказывала Анастасия Ивановна, одна из заключенных Воркутлага.

«Мне было 19 лет, когда мы голодные, практически раздетые, в мороз, в метель, строили железную дорогу. А тех, кто отказывался или падал от усталости и голода, избивали так сильно, что мы от боли даже закричать не могли. Помню, со мной работала девочка, ей было всего 15 лет совсем ребенок, но надзиратели не щадили никого».

Холод пробирал до костей, все были больны, когда люди умирали во время работы, их сбрасывали в реки, в обрывы, оставляли на полях в тундре, засыпали насыпью грунта на тех же железных дорогах и продолжали работать. Для того, чтобы убедиться в смерти заключенного, ему палкой пробивали череп. По этой же самой железной дороге был отправлен первый тепловоз с углем в блокадный Ленинград, что и по сей день, сближает Санкт-Петербург и Воркуту. Тот самый тепловоз сохранен как памятник на въезде к Воркутинскому вокзалу.

НКВД СССР держало в тайне все происходящее в лагере, да и о самой катор-

ге люди мало что знали, но старались не говорить об этом, это было опасно: могли осудить. Воркутлаг состоял из 1 лагеря под названием "Слон", в котором находилось два барака, в одном проживали мужчины, в другом бараке под названием "Предшахтная"—женщины. Заключенные в то время, их называли ЧСИРами, были Члены Семей Изменников Родины, а также их жены, матери, сестры. Эти люди, сосланные со всего мира, были поэтами, учеными, актерами, писателями, архитекторами, в общем, светлыми умами СССР. В лагере томилось около 2 миллионов людей, и это известно только по документам, которые были сохранены, ведь сотни тысяч личных дел умерших уничтожались для того, чтобы освободить место новым документам, и мы уже никогда не узнаем о тех людях, они не оставили после себя ничего, кроме нашего города.

Позже начались постройки первых каменных домов. Город строился с Рудника, именно там в 1930 году А.Г. Чернов обнаружил рабочие пласты коксующегося угля, именно там впервые пеший десант разбил палатки, там же и заложена первая шахта. Поселок стал развиваться, строились новые и новые шахты, заводы, дома, здания, и в 1943 году поселок Воркута получил долгожданный статус города, численность населения на тот момент составляла 7 тыс. человек. А в это время в 1943 году блокада Ленинграда была прорвана по отбитому у врага коридору всего в 8-11км.

Война продолжалась, осужденных, так называемых «врагов народа», все ссылали и ссылали в Воркутлаг, численность заключенных все возрастала, когда продуктов питания, одежды и стройматериалов не хватало. И никого не интересовало, что люди в 40-градусный мороз, в пургу, в легкой телогреечке

работают, не покладая рук, и именно в этот момент, казалось бы, каждый должен быть сам за себя, но нет! Люди проявляли необыкновенное сочувствие, поддерживали друг друга и даже в таких невыносимых условиях находили друзей на всю оставшуюся жизнь.

Постройки велись непрерывно, людей заставляли работать под лозунгом «Всё для фронта, всё для Победы!». Для построек шахт было необходимо больше земли, и в 1945 году стали закапывать тела недавно умерших. В братские могилы вбивали таблички с номерами личных дел. Захоронений было очень много—дан приказ, чтобы постройки продолжались на могилах, что только подтверждает ставшее ныне крылатое выражение "Воркута—город на костях".

8 МАЯ 1945года подписан акт о полной капитуляции Германии. Наконец беспощадная война, унесшая приблизительно 55 миллионов жизней, была окончена! Шли годы, осужденные надеялись на амнистию, но чуда не происходило. К 1953 году на реке Воркута организована лодочная станция, построен стадион под названием "Динамо", вступила в строй шахта №7 "Воркутауголь", открылась первая библиотека имени А.С. Пушкина, стало действовать овощеводческое хозяйство, выпущен первый номер газеты «Заполярье».

А в это время люди, пришедшие с войны, учились жить, адаптироваться после невыносимо тяжких военных действий. Большая часть родных солдат были либо мертвы, либо уехали в другие города, служивые искали родных. Люди очень радовались концу войны, боли, страха, слезам, смерти, но, пока не перезахоронен последний солдат, война не окончена. После смерти Сталина произошло то долгожданное людьми чудо—Воркутлаг ликвидирован, а заключенные амнистированы. Больше части людей некуда было ехать, и они оставались жить в нашем городе. На данный момент в нашем городе, в городе—легенде проживает примерно 116,5 тысяч человек, и все мы благодарны заключенным Воркутлага за их неистовый труд! А еще мы можем гордиться тем, что только наш снег переливается на солнце, как бриллианты, только у нас, несмотря на холод, люди добрые и приветливые, и только у нас необычайно красивое северное сияние, на которое смотришь, и душа человека наполняется счастьем!

Лидия Москалюк

НИКОГДА НЕ БУДЕТ

Саласпилс—это система лагерей. По немецким документам, центральный лагерь имел обозначение AEL Salaspils (Саласпилсский трудовой и воспитательный лагерь) и относился к числу образцовых фабрик подавления и уничтожения личности. Lager Kurtenhof—немецкое название Саласпилса. В лагере смерти Саласпилс мученической смертью погибло около 3 тысяч детей до 5 лет в период с 18 мая 1942 года по 19 мая 1943 год, часть тел были сожжены, а часть захоронены на старом гарнизонном кладбище у Саласпилса. Подавляющее большинство из них подвергались выкачиванию крови.

По прибытию в лагерь, с матерями-узницами дети находились недолго. Немцы выгоняли всех из бараков и отбирали детей. От горя некоторые матери сходили с ума. Только в марте 1943 года сразу пригнали 20 тысяч советских граждан вместе с детьми. Эсэсовцы сразу же отбирали детей у родителей. Происходили ужасные сцены. Матери не отдавали своих чад, немцы и латышские полицейские буквально вырывали детей из их рук... Только за один год таким образом погибло более трех тысяч детей. Грудничков и детей в возрасте до 6 лет помещали в отдельный барак, там они массами умирали и заболели корью. Больных корью сразу уносили в так называемую «больницу лагеря», где сразу купали в воде, чего нельзя делать при этой болезни. От этого дети через 2—3 дня умирали. Они синели, корь шла внутрь организма. Таким путем в Саласпилском лагере немцами было умерщвлено детей в возрасте до 5 лет более трех тысяч—с 18 мая 1942 года до 19 мая 1943 года, то есть в течение одного года.

Зимой, несмотря на стужу,

**«Мертвецов по утрам таскали
В тот холодный без двери сарай,
Как обойму в порядок складали,
Для отправки готовили в рай.
Грабарям там работы хватало.
В день два раза, а часто и три
С мертвецами повозку возили
Туда, где рылись глубокие рвы»**

привезённых детей голыми и босыми полкилометра гнали в барак, носивший наименование бани, где заставляли их мыться холодной водой. Затем таким же образом, детей не старше 12-ти лет гнали в другой барак, в котором голыми держали на холоде по 5—6 суток. Охрана лагеря каждый день выносила из детского барака в больших корзинах очоленевшие трупы погибших мучительной смертью детей. Они сжигались за оградой лагеря или сбрасывались в выгребные ямы и частично закапывались в лесу вблизи лагеря. Заболевшие дети (как и все больные заключенные) могли быть подвергнуты отравлению мышьяком. На обед и ужин де-

тям давали отравленную кашу и кофе. От этих экспериментов умирало до 150 человек в день.

Тысячи жизней ни в чём не повинных детей унесло это место, проклятое богом. Глядя на эти огромные числа смертей, невольно задумываешься о той бесчеловечности и необъяснимой жестокости, царившей в те времена. Трудно понять, что может заставить человека придумать все эти пытки и применять их на детях. Самое ужасное заключается в том, что Германия не признала половину этих лагерей смерти, но государственная чрезвычайная комиссия 28 апреля 1945 года постановила, что факты этих издевательств установлены и должны рассматриваться как вполне организованные мероприятия со стороны немецких извергов, ставящих целью умерщвление советских детей. Но одним обвинением ничего не изменить, тех детей больше нет в живых и никогда не будет...

Арина Хотеева

А ВЫ БЫ СМОГЛИ?

1941–1945г.г. —самые тяжелые годы в жизни русского народа. Эта трагедия коснулась каждой семьи каждого человека. Мужчины уходили на фронт, подростки становились партизанами или подпольщиками. У России много своих героев, вот только имена известны не все. Я расскажу об одном человеке. Он пережил все ужасы войны: налет захватчиков, оккупацию и концлагерь. Его имя Владимир Иванович Челпанов.

Владимир Иванович родился в городе Холм Нижегородской области. Его детство прошло на улице Торопецкой (нынешняя Калитина). Как и все дети, маленький Вова ходил в школу, летом купался в речке и ловил рыбу.

Ему было всего 15 лет, когда началась война. Враг стремительно подходил к городу. Поэтому уже в конце июля жители города строили баррикады и всеми силами оборонялись. Сдерживать натиск помогали воины 27-ой и 188-ой дивизии. Однако 2 августа войскам все-таки пришлось оставить Холм. Большинство жителей было эвакуировано. Скот был перегнан в тыловые районы. Что касается семьи Владимира Ивановича: отец, Иван Петрович Челпанов, ушел на фронт еще в начале войны, старший брат, Валентин Иванович Челпанов, в партизаны, а маленький Вова остался с матерью в оккупированном городе. Но даже несмотря на это, он внес свой вклад в борьбу с захватчиками. Когда город был полностью оккупирован немцами, Владимир Иванович усиленно помогал партизанам. Сообщал, сколько и где в городе танков, автомашин, мотоциклов. Сколько прилетело самолетов, планеров. Сообщал, где располагается комендатура и волесть немецких полицейских. Был даже такой случай: «Как-то зимней ночью перед Новым годом мой брат пришел из отряда со своим другом. Я рассказал им, где гуляют пьяные немцы. Мы с моим другом Колей Чупраковым помогли партизанам забросать дом гранатами», — вспоминает Владимир Иванович. Помогал Владимир и обычным людям. В его доме жило много беженцев и раненых солдат. Они с мамой помогали им, как могли: переодевали в гражданскую

одежду, залечивали раны, кормили.

Свыше двух лет находился Холм в оккупации. Зимой 42 года была совершена попытка освобождения, но она не удалась. Весной, как только сошел лед, немцы собрали более 3000 человек, в том числе и маленького Вову с его мамой и погнали до железнодорожной станции Локня 100 км пешком. На станции бедных людей загрузили в крытые вагоны и повезли в Германию, в город Котбус. Там загнали за колючую проволоку, где были приготовлены деревянные бараки, на ноги надели деревянные колодки, на тело — полосатые робы. Кормили кормовой баландой из брюквы и маленьким кусочком хлеба. По 200 человек водили на каторжные работы. Владимир Иванович работал на вагоноремонтном депо: счищал ржавчину, нагар и сажу в топке паровозов. Его мать, Александра Ефимовна Челпанова, работала тут же, только на сверлильном станке. Рядом с ней на токарном — немец. Он ей всегда приносил бутерброды для Вовочки. Это наверно и помогало ему хоть как-то выжить. Так мальчик и его мама прожили в концлагере 4 года.

Наступил 45-ый год. Перед самым окончанием войны заключенных перевезли в г. Цвиккау и опять поместили за колючую проволоку. Заставили рыть яму, якобы для нового завода, но все понимали, что они роют себе братскую безымянную могилу. Но случилось так, что американцы начали бомбить близлежащие города. Во время таких налетов под обстрел попал и Цвиккау. Несколько бомб попали в расположение лагеря. Так все пленные были освобождены и переданы советскому командованию.

Первым желанием Владими-

ра было вернуться на родину. Но после войны у него никого там не осталось: отец погиб в 1944, брат — в 1943 и он отправился в Ленинград, но устроиться на работу не успел. Его призвали в армию. За время службы Иван Владимирович побывал в армии сына Сталина, охранял узников концлагерей, служил в Польше. Потом после окончания школы младшего персонала воздушных сил был направлен в гвардейский истребительный полк. По окончании службы в 1948 году поступил в кишиневский ветеринарный техникум, а 1955 был направлен в Воркуту на борьбу с ящуром северных оленей. Так Владимир Иванович оказался в нашем городе, где живет и по сей день.

Вот такая судьба человека, полная трагичности, горя и потерь. Владимир Иванович — пример мужества и отваги. Спросите себя, смогли бы вы в 15 лет бороться с захватчиками и выжить в ужаснейшем месте — концлагере? Он смог. Но жизнь порой бывает так не справедлива. Уже несколько лет Владимир Иванович пытается добиться признания того, что он являлся партизаном. До этого несколько лет подряд делал запрос в Германию, чтобы доказать, что был узником концлагеря. В конце концов, он этого добился. Надеемся, что ему удастся восстановить справедливость до конца.

Анна Кашина

И гибли, как люди

Великая Отечественная война стала для нас историей. Мы узнаем о ней по книгам, фильмам, старым фотографиям, воспоминаниям тех, кому посчастливилось дожить до Победы. О ней писали участники и очевидцы тех трагических событий. И сейчас эта тема продолжает волновать писателей, которые открывают в ней новые аспекты и проблемы.

В те годы рядом с солдатами на фронте воевали и те, кого мы называем нашими меньшими братьями: звери и птицы. Им не давали орден, они не получали званий. Они совершали подвиги, не зная этого. Они просто делали то, чему их научили люди, и гибли, как люди. Но, погибая, они спасали тысячи человеческих жизней.

К концу войны Советский Союз вышел на первое место в мире по использованию собак в военных целях. В период с 1939 по 1945 год было создано 168 отдельных воинских частей, использовавших собак. На различных фронтах действовали 69 отдельных взводов нартовых

отрядов, 29 отдельных рот миноискателей, 13 отдельных специальных отрядов, 36 отдельных батальонов нартовых отрядов, 19 отдельных батальонов миноискателей и 2 отдельных спецполка.

Собаки подрывали вражескую бронетехнику в боях под Москвой, Ленинградом, Сталинградом, Брянском.

Из директивы начальника инженерных войск Советской Армии всем фронтам от 17 ноября 1944 года: «В Ясско—Кишенивской операции

взвод собак-миноискателей успешно выполнял задачу по сопровождению танков. Этот специально обученный взвод сопровождал танки во всю глубину зоны оперативных заграждений противника. Собаки привыкли к езде на броне танков, к шуму моторов и стрельбе из орудий. В местах,

подозрительных на минирование, собаки-миноискатели под прикрытием огня танков производили разведку и обнаруживали минные поля».

Широко применялись служебные собаки и в службах связи, и для доставки раненых.

С помощью четвероногих было разминировано 303 крупных города и населённых пункта, среди которых Псков, Смоленск, Брянск, Львов, Минск, Киев, Сталинград, Одесса, Харьков, Воронеж, Варшава, Вена, Будапешт, Берлин, Прага, а также 18394 здания и обнаружено свыше четырёх миллионов мин.

Во время войны специальности собак были разнообразными. Были собаки

санитары, истребители танков, миноискатели, но требовались еще и взрыватели на железных дорогах. Такой стала Дина. Она владела всеми этими специальностями, но ее работой стало взрывание железных дорог. Дина дожила до глубокой старости. Она уникально оставляла взрывчатку на железных дорогах и успевала скрыться с места. В конце войны она еще дважды отличилась при разминировании города Полоцка, где в одном из случаев нашла в кроватном матрасе в немецком госпитале мину-сюрприз.

Не все знают, что на историческом параде Победы, наряду со всеми родами войск шли и подразделения военных собаководов. В нескольких километрах от Лигедзино погибшим собакам, которые защищали Киев, установлен памятник. На нем написано: «Остановись и поклонись! 150 служебных собак погибли здесь смертью храбрых. Они остались навечно верными родной земле».

Елена Шипилова

Эти письма когда-то давно действительно существовали. Они были потеряны то ли людьми, то ли временем. Рано или поздно оно все забирает в свою бездонную копилку: людскую боль, слезы, письма, даже память. Но может быть мы, хоть на короткое мгновение можем представить, что они здесь, перед нами. Этот кусочек чужой жизни, этот фрагмент НАШЕЙ истории.

Она задумчиво подошла к окну чердака, разглядывая вышагивающего за забором парня: «Ну, и пусть ждет. Я его не звала! Нашел себе дурочку на побегушках, которую можно и погонять, и обидеть. Ну, и пусть ждет!» Девушка сердито задернула занавеску, оправила волосы в поисках какого-нибудь занятия, вниз спускаться не хотелось.

Рядом с окном стоял старый, окованный железом сундук, такой вполне сгодился бы для съемок в фильме ужасов. Старинный, да и подобран со вкусом. Девушка подошла и присела на корточки, открывая крышку. Изнутри пахло пылью, даже небольшое облачко взвилось над головой. В сундуке лежали тряпки—старинные и потертые. Может быть, раньше это была какая-то одежда, но сейчас от нее остались лишь лоскуты. Девушка приподняла ткани, хотела увидеть их на свету—на пол шлепнулся с тихим хлопком конверт. Нет, пачка конвертов, перевязанных в один. Бумага старая, тоже пыльная и пожелтевшая от времени. Веревка, которая перевязывала конверты, видно была когда-то красной, но прожорливое время слизнуло с нее цвет—она стала белесой, коричневатого оттенка, с торчащими потрепанными ниточками. Отложив грязноватые платя, девушка потянулась к конвертам. Пачка была увесистой и шероховатой. На первом конверте был написан почти стершийся адрес, написан от руки скоро и неразборчиво. Она перебрала остальные, не снимая веревки—езде одно и то же. Поднялась, закрыла сундук и присела на крышку. Держа письма в руке, она аккуратно начала развязывать веревку. Та была затянута нетуго, от первого прикосновения легко снялась, освобождая конверты. Девушка прищурилась, пытаясь разобрать адрес и получателя—не помогло, конверты слишком ча-

Потерянные

сто брали в руки. Все конверты были ровно и аккуратно разрезаны опытной рукой, девушка тряхнула первый—на колени выпал листок бумаги, сложенный пополам. Она развернула лист:

«Здравствуй, здравствуй, моя милая, мой свет в окошке! Прости, я знаю должен просить прощения, но я не мог написать. Пока нас перебрасывали с одного фронта на другой, я не мог написать! Кому бы я отдал мои письма? Но теперь я вновь говорю с тобой, и порой мне кажется, что я вижу твою улыбку. Я пишу на коленях, в землянке, наполненной людьми. Нас здесь много, но от этого даже лучше, будто если нас много, то все с нами будет хорошо. От разведенного огня черной печки дым и гарь разносятся по всей землянке, но ничего страшного, я уже привык. Человек—существо странное, он ко всему привыкает. К боли, к страху, к войне. Человек может привыкнуть, даже к непрерывной смерти и крови. Это страшно, потому что к смерти нельзя привыкать, нельзя считать, что когда рядом с тобой замертво падает товарищ—это норма. Нельзя. Тогда мы заведомо проиграли, а мы еще поборемся! Завтра придет «почтальон», поэтому таких, как я здесь много. Все мы сидим и пишем: кто матери, кто жене, а кто друзьям. Пишем тем, кого надеемся увидеть вновь. Я тоже надеюсь, что увижу тебя, моя Клава. И ты надейся, может свидимся. Твой Яков».

Новый конверт, новый лист. Глаза внимательно бегают по строчкам, а руки почему-то предательски дрожат. Читает...

«Здравствуй, Клава. Я храню те строчки, которые ты мне прислала, на груди, в кармане, прямо под сердцем. Говорят, что письма любимых защитят от вражеской пули, я знаю: меня защитят. Ты правильно сделала, что взяла ту девочку к нам, она ведь одна теперь. Читайте, а сам ду-

маю, что ты—мой ангелочек, что ты—замечательный человек. Люди познаются в горе, в радости. Все хороши, а тебя война сильнее и добрей сделала. Наших детей тянешь и не забываешь сирот. Как там наши ребята? Ты уж береги их, они—то, что должно пережить все, они—наша любовь, наша страна и наша жизнь. Сейчас, я как и в прошлый раз сижу в землянке, в другой уже, и все здесь по-другому. Землянка почти пуста, и меня окружает тишина, потому что сегодня был бой. Как все понятно, одно слово, тяжелое слово—и все понятно. Меня не ранило, не знаю как, наверно, повезло, но сейчас я цел, хотя почти весь наш отряд был разгромлен. Раньше казалось, что на войне не страшно, но тогда я еще не был на войне. Война—это море крови, лжи и смерти. И это страшно. Когда бежали сегодня в бой, люди вокруг падали, как снятые с доски шахматные фигуры—одна за другой. Бежишь, рядом с тобой ликует, рвется к победе человек, а через секунду его пустой взгляд видит грязное, уставшее от крови небо. Это страшно, потому что это как-то безнадежно... Но моя надежда—это ты. Даже теперь, когда мы далеко, я слышу твой смех, чувствую запах твоих волос, вижу лица наших ребятшек, и это—моя надежда. Не грусти, Клава, может быть, скоро встретимся. Яков»

Пальцы будто деревянные и не слушаются, наконец, еще один листок в руках. От листа исходит тепло, словно письмо еще помнит нежность тех рук, что изо дня в день ласкали его, целовали, как единственную связь с человеком, который тебе так дорог:

«Я жду от тебя письма, а его все нет. Я знаю, что с тобой, с нашими детьми и той сироткой все в порядке, но почему же нет письма? Без писем тяжело очень... Несколько дней мы, не переставая, шли,

ПИСЬМА

тащили на себе раненых. Убитых мы хороним в братских могилах, наверно, если война все же кончится, будет очень сложно узнать, где они лежат. Но, знаешь, может им уже хорошо: они же вместе. Для них война уже закончилась. Пишу украдкой, когда выдастся свободная минута. Однажды мы вышли на полянку, небольшую, прятанную в лесу среди деревьев. Обычная полянка, а всюду... кровь. Наша, советская кровь. Они, наверно, устроили привал: на сучке молчаливо висела каска с красной звездой, чуть поодаль валялась санитарная сумка—они устроили привал, а их подорвали. Там рос пенек, на нем колышась под тихим ветром, лежало придавленное камнем письмо, с алыми каплями, незаконченное письмо... Вся полянка была усыпана голубыми цветами—красивыми, с белой серединкой, вся полянка в цветах, а на цветах кровь, их много было. Такое чувство, что цветы плакали, заливая землю кровавыми слезами... Ты напиши, я жду, всегда ждать буду, как помнишь, в том парке. Я знал и сейчас знаю, что рано или поздно ты придешь ко мне. Твой Яков».

Рука дрогнула. Девушка подняла растерянный взгляд на задернутую занавеску. Мотнула головой, отгоняя мысли, продолжила читать:

«Письмо пришло. Когда оно пришло, я готов был не только танцевать, я готов был летать! Пишу быстро, не рассказ, а заметка, что я жив. Как это важно—жизнь, ведь можно потерять ее. О своих делах я напишу тебе позже—«почтальон» уходит, но ты знай, если не придет еще письмо, я всегда с тобой! Ты, дети—главное, что есть у меня. Больше мне и не нужно, за то, что мне было подарено, умереть не страшно. Любящий Яков».

Ей было грустно, действительно грустно, потому что она живет сейчас, когда страшные сороковые уже

позади. А они жили тогда и для них. ТА война, только началась, но ЭТИ письма уже заканчивались:

«Здравствуй, Клава! Мы скоро будем под Ленинградом, я давно хотел побывать в этом городе, только не думал, что так придется. Меня мучает странное чувство, будто я все же тебя больше не увижу. Точнее не я тебя, а ты меня. Ведь я тебя вижу каждый день, стоит мне закрыть глаза на секунду, и твое лицо вновь передо мной. Клава, какая же ты у меня красивая! Я и не думал, что в тебе столько прекрасного. То, как ты улыбаешься, как морщишь носик, когда сердбишься, то, какие у нас с тобой чудесные дети—это ты. И ты всегда со мной. Война выматывает своим однообразием: какой бы разной не была смерть, она всегда смерть, и кровь не бывает другого цвета, кроме алого, чтобы там не говорили фашисты, и слезы везде—хрустальные капли, смывающие боль. Но человек—вот, что делает войну живой, делает ее войной, а не плохой театральной постановкой. Человек—это то, что не дает войне умереть, и то, что не даст ей жить. Я знаю—не даст! Потому что я не хочу, чтобы наши дети считали смерть—хлебом, а кровь—вином, потому что я знаю—мы победим, не можем не победить! И за это я готов умереть... Я хочу, чтобы ты не грустила, ведь каждая твоя улыбка—это мое солнышко, которое всегда светило для меня. А я тебя очень люблю. Тебя и детей. Ты уж поцелуй и обними их от меня покрепче, ладно? А я буду ждать, всегда ждать и видеть солнышко, мое ярко, чистое солнышко, даже если глаза мои будут плотно закрыты. ВСЕГДА твой Яков».

Девушка держала в руках последнее письмо, рядом с конвертом на коленях лежал листок, она подняла его и посмотрела в скупые строчки: «Умер... от тяжелых ран... в Ленинградской области... деревня Веретейка...» Известие о смерти. Почему-то от его простоты становилось лишь больнее. Девушка встала, покусывая губы, отдернула занавеску. Парень уже не вышагивал, а стоял, прислонившись к забору, упрямо продолжал смотреть на дом. «Ждет»,—пронеслось в голове. Она, спотыкаясь, бросилась вниз по лестнице с чердака, быстрее и быстрее, чтобы не опоздать. Потому что в нашей жизни обязательно нужно, чтобы тебя кто-то ждал. Всегда ждал.

Это были письма, которые мой прадедуська, Яков Феофанович, писал своей жене, моей прабабушке Клавдии Алексеевне. Те письма, что я никогда не видела. Но сейчас здесь они есть, пускай написанные моей рукой, но есть. Они рассказывают нам о чувствах двух замечательных людей. Мой прадед прожил всего сорок два года, он погиб под Ленинградом в 1942 году. Его имя занесено в «Книгу Памяти» Чагодатского района. Мою прабабушку война действительно сделала сильнее: она воспитала не только своих детей—сына и трех дочерей, но и еще четверых детей, родители которых погибли. Ее единственный родной сын тоже воевал. Бился в танковых войсках, на фронте, где воевал Никита Сергеевич Хрущев. Получил орден Красной звезды, медали, которые были впоследствии утрачены, являлся почетным гражданином поселка Чагода 84 года, где до сих пор и проживает. Все эти люди—моя кровь, они те, кто даже в то страшное время продолжали оставаться людьми.

Екатерина Попова

Давайте будем людьми

Вроде это было так давно... война... Это кажется нам чем-то отдаленным, невозможным, а с каждым следующим поколением будет забываться очередная крупница того ужаса, той незабываемой боли, той горечи. Но есть вещи, которые никогда не позволят забыть—это произведения о войне. И одним из авторов, произведения которого не могут не оставить следа в душе каждого—это Джалиль Муса и его стихотворение «Волки», написанное в 1943 году.

Он служил в Красной Армии, был ранен и попал в плен. В концлагере Муса организовал среди легионеров подпольную группу и устраивал побег военнопленных, поднял восстание и присоединился к белорусским партизанам. За участие в подпольной организации Муса казнён на гильотине. Но СССР завел розыскное дело на Мусу Джалиля: он обвинялся в измене Родине и пособничестве врагу.

Позже имя Мусы Джалиля было включено в список особо опасных преступников. Так все-таки, кем он был—героем или предателем? Цикл стихов, написанный в неволе, а именно тетрадь, которая сыграла главную роль в «открытии» поэтического подвига Мусы Джалиля и его товарищей. Позднее тетрадь попала в руки поэту Константину Симонову, который организовал перевод стихов Джалиля на русский язык, снял клеветнические наветы с поэта и доказал патриотическую деятельность его подпольной группы. В 1956 году Джалиль Муса посмертно был удостоен звания Героя Советского Союза.

Так прожил жизнь истинный герой. Он увидел все, что происходило на войне: он видел, как погибают его товарищи, он видел, как захватывались города, как отвоевывались крепости, как мужественно сражались храбрецы, как убегали трусы, как народ шел на народ, как умирали люди. И это было действительно больно, больно душе, вся эта боль вложена в его стихотворения. Он хотел оставить память о том, что произошло, чтобы следующие поколения не допустили того, что развернулось на его глазах. А в стихотворении «Волки» он наиболее точно показал то, что порой (что происходит гораздо чаще, чем мы думаем) мы совершаем такие поступки, на которые бы не пошел даже самый отчаявшийся зверь...

Опыт прошлых столетий никак не

**Люди кровь проливают в боях:
Сколько тысяч за сутки умрет!
Чуя запах добычи, вблизи
Рыщут волки всю ночь напролет.
Разгораются волчьи глаза:
Сколько мяса людей и коней!
Вот одной перестрелки цена!
Вот ночной урожай батарей!
Волчьей стаи вожак матерый,
Предвкушением пира хмелен, —
Так и замер: его пригвоздил
Чуть не рядом раздавшийся стон.
То, к березе припав головой,
Бредил раненый, болью томим,
И береза качалась над ним,
Словно мать убивалась над ним.
Все жалеючи, плачет вокруг,
И со всех стебельков и листков
Оседают в траве не роса,
А невинные слезы цветов.
Старый волк постоял над бойцом,
Осмотрел и обнюхал его,
Для чего-то в глаза заглянул,
Но не сделал ему ничего...
На рассвете и люди пришли;
Видят: раненый дышит чуть-чуть.
А надежда-то все-таки есть
Эту искорку жизни раздуть.
Люди в тело загнули сперва
Раскаленные шомпола,
А потом на березе, в петле,
Эта слабая жизнь умерла...
Люди кровь проливают в боях:
Сколько тысяч за сутки умрет!
Чуя запах добычи вблизи,
Рыщут волки всю ночь напролет.
Что там волки! Ужасней и злей —
Стаи хищных двуногих зверей.**

сказался на нас, ничему не научил. Люди все так же проливают кровь, по сути, сейчас цена жизни приблизительно равна нулю. Да и не только сейчас, во все времена можно было убить, и люди убивали, убивали людей. А война? Сколько тысяч за сутки тогда умирало! Какова была перестрелки цена? Каков был «ночной урожай» батарей? Стихотворение «Волки»—это

не просто боль войны—это крик, крик души, сердца, всего человечества, которое протестует против этого хаоса, беспредела, бесчеловечности, жестокости. Во многих случаях мы поступаем хуже зверей! Вы хоть раз видели, чтобы волки или лисицы убивали себе подобных? Нет, звери убивают лишь по нужде, только чтобы выжить, а у нас?

Есть такое выражение: «Смерть одного человека—трагедия, смерть миллионов—статистика». Какое равнодушие... Статистика? Люди разучились думать, думать о морали. Ну, покажите мне человека, который хотя бы раз выбросив мусор на улицу, задумался о последствиях! А у кого нет домашнего животного? Сколько хозяев выбрасывают на улицу своих питомцев... А оно все равно вас любит! Кто-то покупает таблетку, чтобы не забеременеть, а малыши в детских домах ждут маму... Кто из нас не видел просящих милостыню или бездомных? Как-то брат меня спросил: «Кто они? Зачем они это делают?» Что ему я была должна ответить? Что этот человек—пьяница, или не хочет честно зарабатывать деньги? Или сказать, что жизнь так заставила? И я сказала последнее, он заплакал.

А чувства? Сейчас ими разбрасываются, так фантиками от конфет. А фраза «я тебя люблю» уже равняется таким выражениям, как «доброе утро», «привет», «как дела?» А как давно вы просто так звонили своей маме, чтобы просто помолчать в трубку, а потом сказать: «Мам, я тебя люблю!» Неужели так сложно?

Почему мы вместо мостов строим стены? Неужели мы такие эгоисты? Это ведь так просто—стать чуть добрее, и одновременно так сложно.

У каждого, у каждого человека есть свои крылья, просто каждый сам выбирает, как ему смотреть на мир—ползая или летая. Летите! Это так прекрасно! Мир забываем, он чудесен. Живите, радуйтесь жизни, каждому ее мигу, моменту. Живите сегодняшним днем, но не забывайте, что прошлое—немаловажная часть вас, а будущее обязательно настанет, главное—стараться всем вместе!

Мы—неотделимая часть огромного потока, именуемого миром. Исчезнем мы, исчезнет и еще что-нибудь. Чтобы жить, надо сохранять баланс. И у всех своя роль в этом мире. Так давайте же будем Людьми!

Мария Латюк

Где же счастье?

Завод № 188, комбинат 179—эти цифры до сих пор хранятся в памяти Екатерины Семеновны Стогниенко. И это не просто место работы ее молодости—это целая жизнь, жизнь, посвященная другим людям. Сейчас тех молоденьких ребят из Новосибирска называют тружениками тыла, а тогда, казалось бы, в тот далекий 1941 год, они были такими же, как мы с вами – забавными и беззаботными девчонками и мальчишками, которым все было по плечу. И было бы в их жизни все так, как предначертано всем людям на свете: мирные вечера, семейные ужины, радостный смех детишек. Но словно гром среди ясного неба раздался голос ВОЙНЫ.

И она его тоже услышала—добрая, веселая девушка Катя. И детство, смех и радость юности оборвались. Как будто, все началось с нуля...

«Работать я начала в семнадцать лет. Получается со школьной скамьи—на оборонный завод. С июля 1941 по ноябрь 1945 года. Там, где я работала, были одни подростки. Я всегда так часто вижу их лица перед собой: нагруженные, беспоконные, и сердце наполняется гордостью за наш народ—непоколебимый и неустрашимый даже перед смертью. Ведь никто из нас не знал, останемся ли мы живыми, увидим ли следующий рассвет. Но, слава Богу, многие остались. На заводе к нам относились очень хорошо, мастер Александра Ивановна Выборных была для нас, как вторая мама. Она нас искренне жалела, пыталась сделать наши условия лучше, она вкладывала душу в каждого из нас. И ведь я ее не просто уважала, я ее любила! И неужели ее нельзя назвать героиней? Она ведь столько трудилась, буквально с утра до ночи, а это истинный подвиг! Александра Ивановна посадила нас, молоденьких, неопытных девчонок за аптечные весы. Нашей задачей было завешивать продукцию, из которой отливались пули соответствующего веса. Такая работа была для нас непривычной: необходима была такая точность и собранность! Кто-то скажет, что в этом нет ничего сложного. Да, сейчас нет, когда пули изготавливаются для целей не всегда военных, а тогда? А тогда от этих пуль зависела жизнь нашей страны. Вскоре нас сняли с этого поста и нашу прошлую операцию по взвешиванию пуль выполняли станки.

Затем мастер предложила мне пойти работать на станок. Он был огромный и вырубал колпачок для большой гильзы. Ревел станок, словно живой, нагнетал ужас, от чего сердце колотилось с бешеной скоростью! От этого рева у меня нога все время соскальзывала с педали, и колпачок получался бракованный. Я, судорожно всхлипывая и рыдая не то от

обида, не то от усталости, искала наладчика Колю, который был старше меня и обслуживал пять таких станков. За другими станками работали такие же девчонки, как и я, школьницы, в прошлом умницы и отличницы, а сейчас уставшие, измотанные и даже казалось, постаревшие женщины. В общем, станочница из меня не получилась, наверно, не хватило нервов.

Были и такие моменты, которые забыть у меня не хватит сил. Многие подростки ездили на работу в пригородных поездах и бывало опаздывали всего на одну минуту. А поезд трогался, и ребята бежали вслед за ним, пока хватало сил. Им удавалось ухватиться за поручни уходящего состава, но мороз и ледяной, пронизывающий ветер не давали им шанса. Руки просто не выдерживали холода, и молодые ребята, которые совсем не видели жизни, летели навстречу смерти. Это называлось лишь трудовым фронтом, но эти ребята погибали как герои на войне, они тоже отдавали свою жизнь за спасение Родины...

В цеху был участок, где кипел свинец и по распоряжению технолога и «военпреда» я должна была опускать инструменты в этот свинец—кипящий и охлаждающий душу. Это делалось для укрепления материалов—ведь на фронте требовалось прочное оружие. У меня получалось неплохо, но, к сожалению, я потеряла свою гордость—шикарные волосы. Они оскудели, стали посеченными, ломкими и, буквально, сыпались клочьями.

«Голод, страх, боль...это было здесь,...а что же там, на фронте?»,—думала я, вечерами засыпая в слезах. А что там, на фронте, я поняла и осознала до конца лишь тогда, когда получила девятую по счету похоронку—моих близких не стало на этой войне. Все, как один, полегли там!!! И сил уже не оставалось: мне было страшно встречать рассвет, и вместе с этим наступило состояние какого-то безразличия...Но я знала, что надо жить и работать ради тех, кто еще жив, для спа-

сения Родины!

А на нашем заводе был рабочий Гурьян, именно так мы его называли, потому что имени не знали, только фамилию. Сам по себе рубаха-парень, но почему-то люди над ним подсмеивались, подшучивали, обижали. Однажды ночью, когда наш Гурьян спал под столом в центровом цехе, у него украли карточки на еду, а это в то время означало обречь человека на смерть. Гурьян судорожно рыдал. Таких мужских слез я не видела никогда! Но, слава Богу, начальство дало взамен новые талоны на питание.

Как-то ночью я дежурила в своем цехе и толком не могла сомкнуть глаз. Вижу—Гурьян идет и в руках что-то несет. Он подошел ко мне и протянул только что испеченную свеклу в сахаре. Такого лакомства я никогда не пробовала! Да и в военное время сладкое было дефицитом, поэтому я с радостью уплетала угощение за обе щеки! Потом он еще угощал меня свеклой, и, знаете, ничего вкуснее я не ела!

В один прекрасный день я вновь шла на завод сонная и замученная. Дул холодный ветер, а на глазах выступали слезы. Еще один 12-часовой рабочий день. Подойдя к своему станку, я опустила ногу на педаль, как вдруг раздался громкий крик: ВОЙНА КОНЧИЛАСЬ!!! И все, абсолютно все кинулись обниматься, целоваться. И нашелся ответ на вечный вопрос: «Где же счастье?» Да вот здесь оно, в освобожденном СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ!»

Прошла война. Но и сейчас, даже спустя 65 лет со дня Победы, я навсегда помню лица всех тех, кто был рядом в эти годы: всех, кто их пережил и тех, кто погиб и навсегда останется героем!

Мария Кузьменкова

От Омска до Берлина

Когда началась война, Ивану Сергеевичу Харитонову было всего 15 лет, в пятнадцать лет надо считать звёзды в облаках, дарить цветы любимой девушке, а не смотреть, как в огненной гиене горит родное голубое небо. В 1943 году он начал работать медником, паял радиаторы. В конце октября месяца 43-го года его призвали в армию.

Вначале они прибыли в Омск, где был сборный пункт, а оттуда бритых мальчишек в зелёных беретах, бесконечностью товарных вагонов отправили в Красноярскую область, в город Ачинск. Там располагалась снайперская школа, кавалерийский полк, танковое училище и ещё множество казенных палат, где учили стрелять бывших счастливых выпускников. Проучились они до февраля месяца, а после их всех собрали и погрузили в длинную серую змею эшелона. Эшелон, полностью забитый людьми, в каждом вагоне по взводу, по сорок человек. Привезли в Смоленскую область, разгрузили, а после, они несколько километров прошли пешком до тёмной полосы огромного леса. В том лесу, словно колышущийся океан — казармы наполненные людьми. Там их формировали до конца февраля, а затем полк по тревоге вновь загрузили в эшелон. Привезли в Белоруссию, как потом узнал Иван Сергеевич, это была станция Богшевская. Тысяча человек, тысяча, идущих на смерть. Их роту расположили в траншее, ночью старшина принёс миски хлеба и канистры водки, налил всем по сто грамм. А через полчаса — подъём. Бой... Их рота прошла несколько метров и по ним открыли огонь. Они не видели немцев, только боль и смерть. Свистели пули, кричали люди, разрывались осколки...

хаос. В этой живой смерти они пробежали двести метров, а затем команда «Лечь!» Легли. Всё стихло, такая тишина может наступать только на войне, и вся их рота ползком и перебежками направилась обратно в свои траншеи.

Следующий приказ — разведка боем, нашим необходимо было узнать, где у немцев орудия, пулемёты. Совсем рядом находились немецкие траншеи. Друг напротив друга находились люди, которые будут биться не на жизнь, а на смерть. Но немцы почему-то покинули свои траншеи, их заняли наши, «солдаты Красных Звёзд». Пошли по Белоруссии, хотя разве можно назвать походом бесконечную смерть — отсюда немцев выбили; команда на высотку — высотку взяли; следующая... и так казалось вечно. Но всё же, они дошли до города Волговышки. И здесь-то и пошли жестокие бои. Идешь по улице, а немцы сидят в домах, залезли в каждую дыру, как чёрные ползучие гады — не понять откуда на тебя сыплется девятиграммовая смерть. Наши солдаты освободили город, освободили, но какой ценой... было 50 человек, стало 20. Вновь пошли высотки, в марш-бросок ходили ночью, а днём сидели в лесу, выжидали, пока бомбили стальные немецкие ястребы.

Следующая цель — Минск. Несколько километров не доходя до Минска — новая

команда, уже на Литву, город Вильнюс. Необходимо было выбить противников из траншей, дать путь танкам. Команда есть команда — солдаты болотами, увязая в трясины, пошли на Каунас. У самого города, уже на твёрдой земле проходила линия железных дорог, шесть-семь путей. Часть людей направили на город, а отделение, в котором находился Иван Сергеевич, направили за эти линии, чтобы выведать, где находится немец. Начали перебегать линии — один, второй, следующий, а немецкий снайпер равнодушно щелчками пуль открыл по ним огонь. Дошла очередь и до Ивана Сергеевича, пуля, как ожог, и тёплая струйка крови по спине. Сознание не потерял, перебежал линии, забежал за дома. Там его перебинтовали, ранение было не очень опасным и они уже другим путём пошли к белой церкви, где должны были встретиться со своим взводом. Шли спокойно, все десять человек живы, и вдруг из дома выскочили восемь-девять человек немцев. Началась перестрелка, но наши успели их уничтожить. Из-за ранения Иван Сергеевич попал в госпиталь в Минске, где пробыл месяц. После выписки его направили уже в другое место: в начале, до ранения, он служил на III Белорусском фронте, после ранения — I Белорусском фронте, в 222 дивизии, 33 армии.

Далее Иван Сергеевич попал на Висло-Одерскую операцию, где его дивизия с ходу форсировала реку Одр. Он участвовал в штурме Берлина, у него даже имеется медаль «За взятие Берлина». Когда закончилась война, попал в комендатуру, там его направили в город Шверин. В 1946 году он прошёл курсы шоферов, работал в Шверине, а когда однажды Иван Сергеевич взял отпуск в Омск, судьба свела его с его будущей женой Зинаидой Васильевной Чувильской.

Зинаида Васильевна тоже воевала, она была стрелком на секретном заводе. Прошла и голод, и ужасающий холод и непрекращающийся ужас потери близких. 19 сентября 1950 года для Ивана Сергеевича и Зинаиды Васильевны зазвучали свадебные колокола. У них двое детей — сын и дочь, и шестеро правнуков, правда, скоро на свет должна появиться седьмая. У Ивана Сергеевича много военных наград — Орден Отечественной войны, медаль «За отвагу», медаль «Победа над Германией», 3 ордена Шахтёрской славы — I, II, III степеней, много юбилейных медалей. Иван Сергеевич и Зинаида Васильевна очень надеются, что, то чистое небо, за которое они воевали, те смеющиеся дети и лучи ослепительного закатного солнца, больше никогда не омрачатся тенью войны.

Екатерина Попова

Все для Победы

Война, наступление, атака, взрывы, свисты пуль... Вдруг резкая пронзительная боль, обжигающая всё тело, темнота в глазах, давящая, пугающая тишина, необъяснимый страх... И вот оно, спасительное лицо медсестры, полные сочувствия глаза и шепот: «Терпи, Браток!» Что бы мы без них делали? Сколько же они вынесли на своих хрупких женских плечах?

Профессия врача, фельдшера, санитаря во время войны—дело очень нелёгкое. В полевых условиях обеззараживать раны, делать перевязку, останавливать кровотечение—это очень сложно. Испытывая большие лишения в питании, одежде, они отдавали всё, и в том числе свою кровь, чтобы быстрее восстановить здоровье солдат. Рассказать о событиях того страшного времени согласилась ветеран войны Лидия Александровна Петухова.

Лидия Александровна родилась в Витебске, в многодетной семье, у неё было 11 братьев. Жили тихо, мирно, дружно, работали, учились... Как и все девочки в детстве, маленькая Лида играла в учителей и врачей. Возможно, эти игры и повлияли на выбор будущей профессии. Лидия Александровна поступила в медицинский техникум и, закончив его, всю свою жизнь отдала фельдшерскому делу. Когда Лидии Александровне исполнилось 18 лет, началась Советско-финская, или как ещё её называют Зимняя война. Поэтому трудилась, как в тылу, так и на передовой линии фронта. Вслед за Зимней войной, 22 июня 1941, началась Великая Отечественная. Лидия Александровна рассказывает: «Санчасть обеспечивала тем, что было в наличии, вместо бинтов давали марлю, когда бинтов не хватало, приходилось использовать все, что было под рукой: постельное белье, одежда. Спирт использовали вместо анестезии при проведении различных опера-

ций, при ампутации конечностей. Обезболивающих препаратов не хватало, приходилось резать почти наживую, но другого выхода не было...». Лидия Александровна поведала, что очень сильно ее угнетало и другое. Бывало, раненых с поля боя поступало так много, что места в госпитале для всех не хватало. Носилки размещали прямо на земле, под открытым небом. А если зима и мороз? А летом в жару раны мгновенно начинали гноиться и плохо заживали... Все это она пропускала через себя, сочувствуя и переживая боль вместе с раненым бойцом, отдавая каждый раз частичку своего сердца...

«Представьте себе, как невероятно тяжело грузить на носилки раненого бойца-богатыря, перевязывать, поить и кормить с рук - все это делалось круглосуточно, да к тому же под обстрелом, бомбежкой. Нервная система не выдерживала перегрузок, усталость валела с ног, о сне мечтали, как о дорогом подарке. Но работали без ворчания и понукания столько, сколько нужно, ибо знали одно: мы нужны раненым, которые погибнут без нашей помощи. Часто случалось так, что санитарная машина возвращалась из очередного рейса с передовой на одних металлических колесных дисках. Машину ставили на ремонт, а уставшие санитарки пересаживались на другую машину и вновь отправлялись в страш-

ный рейс, который для любой из них мог оказаться последним».

Сама же Лидия Александровна во время Великой Отечественной войны получила 12 ранений, победу она встречала в госпитале под Берлином с очередным ранением. Лидия Александровна за период войны находилась на Украинском и Белорусском фронтах, в районе Сталинграда (нынешний Волгоград), блокадного Ленинграда. Лидия Александровна на войне вживую видела таких генералов, как Жуков, Рокоссовский, Ворошилов и других. Она имеет множество наград, среди которых «Орден Красной Звезды», а ее военный стаж составляет около 13 лет. Войну же Лидия Александровна закончила в звании старшего лейтенанта.

В 80-е годы Лидия Александровна переехала жить в Воркуту, к дочери. В наши дни, несмотря на свои годы, она продолжает вести активный образ жизни, остается такой же энергичной, жизнерадостной, неутомимой, веселой, любит пошутить. Годы войны не сломили, а наоборот закалили ее дух, силу воли, желание жить «для народа и во имя Победы». Лидия Александровна активно читает прессу (без очков!), печет сама хлеб, встречается со школьниками, рассказывает им о войне, «чтобы помнили, чтобы никогда не повторилась...».

Валерия Дриголя

«БОЕВАЯ ПОДРУГА»

Мария держала в руках похоронку. Седой почталыон мялся рядом, что-то бормоча под нос. Сквозь мутную пелену слез она отчетливо читала: «Полковой комиссар Илья Федотович Октябрьский погиб смертью храбрых 9 августа 1941 года в одном из боев на Украине». Погиб. Снова и снова она пробежала глазами по строкам, вчитываясь, будто пыталась найти какую-то ошибку. Погиб».

Ее горе не было тихим, оно было яростным. В сердце бушевали негодование и жажда мести. Она вспоминала недавние события, перевернувшие ее жизнь. 22 июня 1941 года, когда кишеневцы проснулись от страшного гула, когда началась война. На долгие прощания не было времени, вместе с сестрой и семьями других командиров Красной Армии она была эвакуирована на восток, чтобы трудиться в тылу. События мелькали у нее в памяти секундными вспышками. Казалось, прошла целая вечность, когда она поднялась с колен, она не собиралась больше страдать, она решительно была настроена действовать.

По всей стране шел сбор средств в фонд обороны. Идея родилась мгновенно. Распродав все имущество, нажитое за тридцать шесть лет, Мария Васильевна твердо решила купить танк. Когда вырученных денег не хватило, она не сдалась. Еще при мирной жизни Октябрьская была примерной

хозяйкой и мастерицей, поэтому довольно быстро заработала недостающую сумму, продавая вышивку. Как только деньги были собраны, женщина отправилась в Госбанк.

Следом Мария отправила телеграмму Сталину с требованием отправить ее на фронт: «Председателю Государственного Комитета обороны. Верховному Главнокомандующему.

Москва, Кремль
3 марта 1943 г.

В боях за Родину погиб мой муж - полковой комиссар Октябрьский Илья Федотович. За его смерть, за смерть всех советских людей, замученных фашистскими варварами, хочу отомстить фашистским собакам, для чего внесла в госбанк на построение танка все свои сбережения—50 000 рублей. Танк прошу назвать «Боевая подруга» и направить меня на фронт в качестве водителя этого танка. Имею специальность шофера, отлично владею пулеметом, являюсь воршиловским стрелком.

Октябрьская Мария Васильевна,
г. Томск, Белинского, 31».

Теми же днями был получен ответ:

«Томск. Марии Васильевне Октябрьской.

Благодарю Вас, Мария Васильевна, за Вашу заботу о бронетанковых силах Красной Армии. Ваше желание будет исполнено. Примите мой привет, Иосиф Сталин».

Вскоре прямо с заводского конвейера танкостроители вручили Октябрьской новую стальную крепость, её собственную «Боевую подругу».

Обучившись в Омске вождению танка, и сдав все экзамены на «отлично», Мария Васильевна получила звание «сержант». Вскоре был сформирован экипаж танка, в котором Маша была единственной женщиной.

Со своей «Боевой подругой» Мария ускоренным маршем, не зная отдыха, прошла тысячи километров до степи, где погиб комиссар Октябрьский. Боевое крещение сержант принимала недалеко от могилы мужа.

Наравне с мужчинами-сослуживцами она бесстрашно шла под шквальный огонь, с поразительным спокойствием и выдержкой маневрировала в первом бою. С отвагой, которая не могла не вызвать восхищение, женщина двигалась навстречу верной смерти.

В последнем бою Мария Васильевна проявила не только бесстрашие, но и героизм. 17 января 1944 года, отражая атаки противника под Витебском, «Боевая подруга» направлялась к деревне Крынка, но танку не было суждено пройти даже до первой траншеи. Из засады в упор ударила немецкая пушка. Экипаж выскочил из танка. Октябрьская осмотрела машину: порванная гусеница распласталась на черном снегу. Не думая о собственной жизни, сержант бросилась ремонтировать «Подругу».

Женщина услышала свист пули, потом ужасный грохот где-то совсем рядом, дальше была боль, от виска растекающаяся по всему телу. На самолете Марию доставили в Смоленск. «Большая потеря крови. Общее состояние слабое», — отметила в карточке медсестра. Затем тяжелая операция, больничная палата и... Вечная память.

Подвиг Марии Октябрьской не был забыт. Ей присвоили звание Героя Советского Союза посмертно, а в Томске возвели памятник.

Дарья Кот

Что такое «Женщина на войне?»

Что такое «женщина на войне?» Это страшно. Война — грязь, которую придумали мужчины, но вместе с ними увязают в трясине боли, слёз и крови тонкие девичьи фигурки. Они словно подбитые птицы с переломанными, как крылья, душами, птицы, которых неудержимо притягивает к земле смерть. Но иногда мы видим, как в страхе отступая, она скрывает под черным балахоном своё лицо, а из её цепких лап, вырываясь, взмывает к небу белая птица, чей полет не смогла остановить даже война. Такой белой птицей и стала Екатерина Ивановна Зеленко, которая «родилась для авиации, как птица для полёта».

Это сейчас для нас она Екатерина Ивановна, а когда-то была просто Катей, Катюшей, девочкой, которая всю жизнь училась побеждать. Она окончила семь классов школы и в 1933 году Воронежский аэроклуб. Это был первый шаг на бескрайнем пути парящей в небесах белой птицы. Окончание с отличием 3-ей Оренбургской военной авиационной школы лётчиков и лётчиков-наблюдателей К. Е. Ворошилова — её маленькая победа.

Этих побед в жизни Кати было не перечислить. В советско-финской войне она была единственной девушкой-лётчиком. Как получилось, что она попала на эту свою первую войну, не знала, наверное, даже она сама — рапорт отправила, а дальше, как повезёт. Ей повезло. Может быть, просто потому, что она была нужна там в этом небесном фронте, необходима, наша звёздочка советской авиации. После советско-финляндской войны она прибыла в Харьков осваивать бомбардировщик ближнего действия СУ-2. Освоила.

Освоила так, что перед войной обучала командный состав семи полков — юная девушка обучает опытных асов, «маэстров» полёта. Когда началась Великая Отечественная война, она снова была там, на своём месте. В июле 1941 года в районе станции Быково вся группа, которую вела Катя, попала под сильный огонь, под поливающий дождь артиллерийского обстрела. Она не потеряла ни одного самолёта, а чёрный тающий дым от уничтоженного батальона немецкой пехоты ещё долго чёрными крыльями ласкал голубой небосвод.

В туманный, пасмурный день 12 сентября всё было как всегда, не появилось на небосклоне два солнца, и небеса не упали на землю, всё было как всегда. Просто в этот день погибла девочка Катя. Танковые колонны гитлеровцев стягивались к Лохвицам. Катя можно сказать по-женски упростила отправить её на задание в машине капитана А. И. Пушкина, помощника командира

полка — её собственная была повреждена. Вместе с ней ушёл самолёт капитана Лебедева. На обратном пути в районе города Ромны они были атакованы семью немецкими ME-109. Гонимый «мессерами», истерзанный пулями, подбитый самолёт Лебедева вышел из боя и скрылся в рваном одеяле облаков. Над белой птицей самолёта Кати, как стая коршунов, нависла семья «мессерами» смерть. Самолёт был взят в кольцо, а огненные жгуты боезапаса Катиного самолёта перестали раскалять небо. Приказом она заставила Павлыка, своего напарника, прыгнуть с парашютом, а сама уничтожив один из «мессеров», без боеприпасов, самой себе не позволив катапультироваться, пошла на таран. В честь Кати, в честь этой упрямой девочки, была названа малая планета Солнечной системы «Катюша». Она осталась навсегда в том небе, крыльями самолёта поставив себе вечный памятник.

Они не погибли — их
Смерти не верьте.
Они, как и прежде,
С нами в строю.
Летят по великой
Дороге бессмертия
В историю битв
За Отчизну свою.

Екатерина Попова

Я—ребёнок войны

Тепло. Добрые лучи солнца ласкают природу. Все - от могучих, ветвистых деревьев до самой крохотной травинки греется в его нежных лучах. Надоедливые насекомые жужжат в воздухе, любопытные белки, перепрыгивая с ветки на ветку, наблюдают за беззаботными, счастливыми ребятами, играющими в песочнице. Ничего не предвещало беды. Но вдруг на улице началась паника, все кричали: «Война! Война!»

Мне было всего 9 лет, когда я услышала это страшное слово. В тот день моя мама работала и за мной приглядывала наша соседка. Я забежала к ним в квартиру, прижалась к тете и спросила: «Что же с нами будет?» А она спокойным голосом мне ответила: «Что со всеми,

то и с нами будет».

В городе была паника, еще никто не знал, что такое война. В июле было решено всех детей эвакуировать из Ленинграда. Нас вывозили целыми школами, не давали даже попрощаться с родителями. Привезли нас в небольшой поселок

под Ленинградом. Здесь мы продолжали жить своей обычной жизнью: играли, резвились. Когда над нами летали немецкие самолеты, мы весело махали им руками и радостно приветствовали. Глупые...

Через 2 недели за мной и еще несколькими ребятами приехали мамы, чтобы увезти нас обратно в Ленинград, потому что немцы приближались к нашему поселку. Медлить было нельзя и мы, собрав вещи, торопились на единственную станцию, находившуюся в 15 километрах от нас. Такой длинный путь нам давался сложно: жара, плохая дорога, хотелось кушать и пить-все делало этот путь невыносимым. Добравшись до станции, мы снова запаниковали: поезда, которые проходят по этой железнодорожной ветке не останавливаются на этой маленькой станции. Поэтому мы вынуждены были ждать хоть одного поезда, который все же подберет нас. Так целых три дня мы прожили в лесу, укрываясь от фашистских самолетов. Питались мы одними лишь ягодами, воды практически не

было, и не знаю сколько бы мы еще протянули, если бы не один военный, который находился все эти три дня с нами. Когда очередной поезд приблизился к станции, он вышел на рельсы с пистолетом и буквально собой преградил путь составу. Я никогда не забуду лицо этого мужественного человека: оно пылало злостью и твердой уверенностью в своих действиях.

Поезд остановился лишь на считанные секунды, и как только моя мама забралась в вагон, состав тронулся. Только я, осталась на платформе... Мне было очень страшно, я боялась остаться одна, никогда больше не увидеть маму, не прижаться к ее теплым рукам, не увидеть ее любящих глаз... Но в этот момент из поезда выпрыгнул мужчина и, чтобы успеть за разогнавшимся поездом, что было силы закинул меня в тамбур. Люди стояли так тесно, что я оказалась у них на головах. Ситуацию еще больше омрачал непрекращающийся проливной дождь, гроза и гром, серое небо, гудящее от вражеских самолетов. Кажется, сама природа понимала и неистово протестовала всему этому долговому предстоящему ужасу. Мы приехали в Ленинград.

Родственников у нас не было, но зато были прекрасные друзья, которые всегда в трудную минуту были готовы помочь. И вот однажды дочери маминой подруги, которая работала на заводе, выделили места в вагоне для эвакуации. Эта женщина пришла к нам и сказала, что ее семья возьмет и нас. Мы уже собрали вещи, но получилось так, что эта женщина не успела оформить документы и мы остались... Остались в Ленинграде. Как потом выяснилось, весь состав, на котором мы должны были ехать, разбомбили и практически все погибли. После этого мама сказала: «Все. Мы никуда не едем. Что будет, то будет».

Осенью 1 сентября начались занятия в школе, но я заболела корью и много времени провела дома. Фашисты постоянно бомбили город, опасно было находиться и на улице, и в доме, поэтому было решено продолжить обучение, но уже в бомбоубежищах. Но кому там уже было до учебы? Начинался голод, занятия сокращались, а вскоре и вообще прекратились.

27 ноября моя мама была ранена

на работе и оказалась в госпитале. Я осталась совсем одна. Спасибо огромное нашей соседке, которая взяла меня, маленького девятилетнего ребенка, к себе. Я прекрасно помню, что она сразу обрехала мне косы, чтобы «живность» там не завелась. А еще она спасла меня от смерти, ведь если бы не она, одна бы я точно погибла от голода и холода. Маму выписали через 1,5 месяца, но она все равно еще не могла ходить. Мне приходилось ухаживать за больной матерью, помогать по дому, убирать, стирать. Самым тяжелым были походы за водой, потому что река находилась далеко, а пробираться приходилось сквозь огромные сугробы, а на обратном пути карабкаться по ледяным горам с ведрами холодной воды. Кроме того, в нашем дворе стоял огромный сарай, в который люди свозили трупы. Трупы тех, кого просто подбирали на улицах, и тех, чьи семьи просто не могли себе позволить вывезти умершего на кладбище. В итоге трупов набралось столько, что ворота этого сарая просто перестали закрываться и их складывали уже в самом дворе. Поначалу я испытывала дикий страх. Но, как известно, человек ко всему привыкает, так и я привыкла. Потом просто перестала обращать внимание. Отношение к смерти постепенно изменилось. Люди перестали ее бояться. Даже я, маленькая девочка, еще толком ничего не повидавшая в жизни, относилась к смерти легко, думала: «Ну умру и умру. Все умирают». Но разве это нормаль-

но? Как война убивает живого человека! Не только физически, но и морально. «Маленькие люди», которые только начинали жить, готовы были умереть. Им была безразлична их жизнь. Они худы, бледны, больны, голодны и обездолены. Почему же им не досталось такого права, как ЖИЗНЬ?

Началась весна, люди стали бояться инфекции и каждый, кто только мог ходить, даже моя больная мама с палочкой, выходили на улицы и чистили город.

К счастью, болезней удалось избежать, голод утихал, и уже в мае мы снова начали учиться. Жизнь в городе постепенно налаживалась: увеличилась норма хлеба, кое-какие продукты можно было, как тогда говорили, «оторвать» по карточкам.

У многих отцы были на фронте, в городах среди молодежи создавались тимуровские отряды. Мы помогали больным, бедным, старикам, писали и отправляли маленькие подарки солдатам на фронт. Кому-то мы помогали дрова наколоть, кому-то полы помыть. Ходили в госпитали: читали и писали за кого-то письма, рассказывали стихи, ухаживали. Люди были крайне благодарными. Ведь многие солдаты скучали по своим детям и поэтому, сами того не подозревая, тянулись к нам.

Ко времени, когда закончилась война, я была только в шестом классе. Меня зовут Людмила Альбертовна Тверская. Я—ребенок войны.

Софья Нифантова

ЦИФРЫ ВОЙНЫ

22 июня в 4 часа утра началась война, продолжавшаяся **1418 дней и ночей**. В первый же день боев фашисты уничтожили **1200** советских самолетов, свыше **800** из них—на аэродромах.

209 городов, **9200** сел и деревень Белоруссии за три года оккупации фашисты превратили в руины.

Свыше **2 миллиона** жителей Белоруссии расстреляли, повесили, замучили и сожгли фашисты за три года оккупации.

107000 фугасных и зажигательных бомб, **150 000** тяжелых артиллерийских снарядов сбросили немцы на Ленинград.

13 миллионов детских жизней унесла война. А подсчитывал ли кто-нибудь, сколько детей осиротело за это время? И сколько их могло бы появиться на свет, если бы стали отцами молодые мужчины, погибшие на полях сражений?

149 жителей белорусской деревни Хатынь заживо сгорели в огне фашистов. Среди них—**76** детей. Деревню каратели разграбили и сожгли.

11 944 100 человек составили безвозвратные потери Красной (Советской) Армии, в том числе **6 885 000** человек пропало без вести.

34 476 700 советских военнослужащих участвовало в боевых действиях в годы войны.

490 тысяч женщин было призвано в Армию и на Флот.

37 800 000 человек умерло всего за время войны.

7 000 000 человек преднамеренно истреблено на оккупированных территориях.

4 559 000 человек сгинуло под оккупацией безвестно.

2 200 000 пропало после принудительного угона в Германию.

26 600 000 граждан потерял в общей сложности Советский Союз.

880 дней длилась Ленинградская блокада, одна из страшнейших моментов Великой Отечественной войны, и прорванная 27 января 1944 г.

800 000 человек погибло от голода в Ленинграде в период фашистской блокады.

250 грамм составляла ежедневная норма хлеба во время блокады

Алина Непогодина

Нельзя, чтобы дитя мучилось

Вот уже 65 лет мы празднуем Великую Победу. Но люди стали забывать, какой ценой далась она. Только вдумайтесь в цифры! 4 года длилась война, это чуть меньше 1500 дней, и за это время погибли миллионы человек, погибли за нас, погибли, чтобы мы жили, чтобы мы жили в свободной стране. Но если ужасна смерть миллионов взрослых, то в сто раз страшнее смерть детей.

«Дуновением ветерка занесло в эту тишину шепоток...

— А смерть, это надолго?

— Да, сынок, но не навсегда... А сейчас помолчи, родной!

Ветерок, прислушиваясь, застыл.

— Не могу, чешется всё...

— А ты очень-очень захоти, и всё пройдет...

— А всё, чего очень хочешь, бывает?

— Всё, сынок!

— А если я очень жить хочу?

...И снова немая тишина. Может быть, ветерок унёс ответ матери, а может быть,

она не нашла нужных слов...».

Это отрывок одного из рассказов книги Ильи Исааковича Каменковича «Ночь плачущих детей». Книга рассказывает о мужестве малолетних узников гитлеровских концлагерей и об ужасных преступлениях гитлеровского фашизма против детей. «Штумпе с силой ударил мальчика молотком в переносицу. Высоко подняв молоток, захохотал, потом, оборвав смех, выволок из шеренги ещё одного мальчика...». Когда я читала эти рассказы, мне казалось, что я сама побывала там, и я никогда не забуду эти страшные картины, запечатлённые в этих рассказах. Эсэсовец по прозвищу «Смеющаяся смерть», убивающий маленьких узников, или 13-летний мальчик Муся, «вместе со своим оружием—скрипкой он погребён в братской могиле». Все эти истории не выдуманы, это документальные рассказы, в основу которых положены документы из Архива Министерства Обороны СССР. В книге собраны разные документальные

истории, стихи детей, фотографии, отрывки из документов, имена и фамилии детей-героев. Мы всегда должны помнить об этих страшных четырёх годах и не допустить ещё одной войны! «Началась, наконец, перекличка. В нашей колонне счёт живых оборвался на цифре 382. «Что же это,—проносится в голове,—ведь совсем недавно нас было 704».

Нет, о таком забывать НЕЛЬЗЯ!!!

Ирина Протасова

Главный редактор: Ирина Маратканова
Дизайн и верстка: Елена Шипилова

Адрес редакции:

169900, Республика Коми, г. Воркута, ул. Ленина, 47.

Телефон для справок: (82151) 3-32-16.

vorkuta_dtdm@mail.ru

Тираж № 6 — 200 экз. Дата выпуска 24.04.2010 г.

Распространяется БЕСПЛАТНО

Над номером работали:

Елена Шипилова, Мария Латюк, Анна Кашина, Мария Кузьменкова, Арина Хотеева, Екатерина Попова, Лидия Москалюк, Софья Нифантова, Дарья Кот, Ирина Протасова, Валерия Дриголя, Алина Непогодина.

МЫ

Перепечатка материалов и использование их в любой форме, в т.ч. в электронных СМИ без письменного разрешения не допускается. Торговая марка и торговое имя «МЫ» являются исключительной собственностью МОУДОД «Дворец творчества детей и молодежи» г. Воркуты.